

«IMPERIUM SACRUM» КАК ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ПАРАДИГМЫ

М.В. ПАЛЕОЛОГ, доц. каф. этики и религиоведения МГПУ, канд. ист. наук,

С.М. ЧИСТОВА, доц. каф. истории и культурологии МГУЛ, канд. ист. наук

mpaleolog@mail.ru, caf-miok@mgul.ac.ru

ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»

1292266 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4 корп.1

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»

141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д.1, МГУЛ

Формирование понятия «IMPERIUM SACRUM» относится к эпохе античности. Греческая культура стала связующим звеном, объединившим большую часть древнего мира. Римская империя, пришедшая на смену эллинистическому миру, сформировала универсальное понятие государства. Понятие «*Pax Romana*», «римский мир», ставило знак равенства между понятиями «мировое государство», «цивилизация» и «культурный мир». В эпоху Средневековья на Западе универсальная идея «*Imperium Sacrum*» сформировалась окончательно и стала ключевой для развития государства и церкви. Византия унаследовала римские традиции, возведя их в абсолют. Греки создали новую модель универсальной вселенской империи, основным признаком которой стала «симфония властей», ставшая государственной идеологией Византии. Киевская Русь после принятия христианства в 988 году стала частью византийского «*Pax Christiana*» и легко вписывалась в византийские политические концепты как часть т.н. «Византийского содружества наций». Русские князья выстраивали свои отношения с церковью в рамках традиционного византийского цезарепатризма. После падения Византии и создания Османской империи Московская Русь оставалась единственным независимым православным государством. Идея панрусизма, смешанная с идеей «византийского наследства», привела русскую политическую мысль к идее панславизма. Институты «царства» и «автокефальной церкви» были воплощены в жизнь при Иване IV и его ближайших преемниках. Со времен правления первых Романовых формула Филофея «Москва – третий Рим» начала истолковываться в политическом смысле и идея «византийского наследства» стала доминирующей в социально-историческом развитии российского государства. Идеей восстановления Византийской империи под эгидой Московского царя была обусловлена вся реформаторская политика Алексея Михайловича в отношении церкви. Попытки Запада трансформировать российские идеологические концепты в конкретную политическую программу борьбы с Османской империей оказались недостаточно успешными, а помощь России в дальнейшем способствовала освобождению балканских и кавказских народов от туркополии и сохранению их как самостоятельных этносов. Петр I разрушил устои старинных московских традиций и превратил Церковь в государственный орган, подчиненный императору. Но, уничтожив прежнюю мессианскую концепцию Вселенской православной державы, Петр I создал новую идеологию Священной империи и определил программу дальнейшего социально-исторического развития России, существовавшую до 1917 года.

Ключевые слова: Священная Империя, симфония властей, Москва – третий Рим, византийское наследство, панславизм, панрусизм.

Формирование понятия «IMPERIUM SACRUM» в европейской традиции

Зарождение идеи универсальной мировой державы относится еще к эпохе античности, когда она начала воплощаться в жизнь благодаря походам Александра Македонского. В IV в. до н.э. огромные пространства древней Ойкумены, пусть и на короткий срок, были впервые объединены под эгидой Македонской державы. Благодаря этому греческая культура стала связующим звеном, объединившим большую часть древнего мира. В рамках формирования универсальной культуры складывались те институты, которые будут определять ее культурологический и политический облик на будущие столетия.

Римская империя, пришедшая на смену эллинистическому миру, сформировала

универсальное понятие государства, которое практически ассоциировалось со всем цивилизованным миром. Особое понятие «*Pax Romana*» – «римский мир», появившееся во времена древнего Рима, фактически ставило знак равенства между понятиями «мировое государство», «цивилизация» и «культурный мир».

Связующим фактором универсальной культуры и универсальной мировой империи в римскую эпоху являлся латинский язык. Как греческий язык в эллинистическую эпоху определял единство эллинистической, а в средние века Византийской культуры, так латинский язык определял единство римской культуры и культуры Западной Европы Средневековья.

Единое культурно-политическое пространство, начиная с римской эпохи, было

одним из универсальных институтов, определявших единство цивилизации. Слияние культурного и политического стало характерным для представления об универсальной мировой державе. В эпоху Средневековья на Западе универсальная идея «*Imperium Sacrum*» – Священной империи – сформировалась окончательно. Эта идея стала ключевой для развития концепции средневековой государственности и приобрела особое значение как для развития государства, так и для развития церкви. Императоры и папы Средневековья стремились воссоздать канувший в Лету *Pax Romana* (Римский мир).

Важным элементом универсальной культуры был институт самоидентификации. Понятие «римлянин» стало тем универсальным понятием, которое объединило разные народы в единое культурно-политическое пространство как во времена Римской империи, так и в более позднее время. Долгое время для имперской и культурной самоидентификации византийцы также использовали понятие «ромей», т. е. римлянин. В Западной Европе универсальная держава определялась как Римская (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae* – лат. Священная Римская империя Германской нации).

Западное Средневековье унаследовало именно такую идею универсального мирового государства – с единым языком, единым культурно-политическим пространством и собственной самоидентификацией. Естественно, что христианство внесло особые коррективы в концепцию священной империи. Подражая Древнему Риму, средневековые теологи создавали свои универсалистские модели.

Византия, вслед за Древним Римом, строила свой мировой порядок – «*Pax Christiana*», который стал продолжением идеи универсальной державы-цивилизации – *Imperium Sacrum*. В свою очередь, продолжением *Pax Christiana* впоследствии станет российский *Pax Rossica*.

Византия или Восточная Римская империя унаследовала римские традиции, возведя их в абсолюты: «Модель миропорядка в Византии мыслилась следующей: один Бог – один василевс – единая Вселенская Римская

империя. Византийский император мыслился только как Вселенский, как глава Ойкумены, отец «семьи государей и народов» [1].

Император считал себя наместником Бога на земле и полагал, что через него осуществляется божественная власть над миром. Только император, в силу особого статуса, мог повелевать и империей и священством. По мнению британского историка С. Рансимена, византийский император Юстиниан I (527–565 гг.) разделил понятия «*Imperium*» и «*sacredotium*» (лат. *священство*), но это не помешало ему считать свою власть единственным источником закона: «По воле Божьей мы правим империей, которая предана нам Его Божественной Властью» или «Один Бог и Император, слушающийся воли Божьей, могут справедливо править миром. Император должен милосердием подражать Богу, Богу, по милости которого единственно действует Его образ, чья власть, в свою очередь, простирается и на священство» [2].

Сохранив воспоминания о *Pax Romana*, греки, опираясь на авторитет Библии и Отцов церкви, создали идею новой универсальной вселенской империи, основным признаком которой стала так называемая «симфония властей». Эта идея впервые была сформулирована в VI в. н.э., и отношения Церкви и государства в ней мыслились не в паритетно-правовом, а в гармоничном развитии. Л.А. Тихомиров так определил идею «симфонии властей»: «По Юстинианову законодательству ... в государстве признавалось существование двух равноправных властей. В предисловии к VI новелле законодатель говорит: «Всевышняя благость сообщила человечеству два величайших дара: священство и царство (императорская власть). Первое заботится об угождении Богу, второе о прочих предметах человеческих. Оба же происходят от одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни» [3].

«Симфония властей» – это своего рода универсальная модель гармоничного сосуществования духовной и светской власти в рамках одного вселенского государства. Василевс был обязан заботиться и охранять церковь, а священство должно было духовным ав-

торитетом церкви и молитвой поддерживать власть василевса. В идеале обе силы не могли существовать друг без друга, поскольку: «...византийский самодержец (автократор) выступил властью верховной в отношении подданных, но не безусловной, не абсолютной, ибо имеет определенное, обуславливающее эту власть содержание, а именно: волю и закон Бога, Которому он служит. Около этой Верховной власти стояла постоянная живая Церковь, носительница Божественной нравственной воли, и сам самодержец был лишь членом, но не господином Церкви» [3].

Таким образом, доктрина «симфонии властей» стала государственной идеологией Византии. Весь быт императорского двора, нравы, царящие в империи, должны были демонстрировать мощь и незыблемость мировой Ромейской державы василевсов. Вслед за римлянами византийцы ввели в употребление универсальное понятие «ромей», которое должно было сплотить многочисленные народы Византийской империи в единое политическое пространство, и воплотило бы в себе единую мировую империю.

Таким образом, идея «священной империи» в Византии приобрела следующую форму: ее основой стала доктрина «симфонии властей», идеологическим выражением было положение: «Один Бог на небе один православный василевс на земле», и, наконец, третьим элементом, присущим имперской идеологии, стало универсальное понятие «ромей» для обозначения подданных империи вне их принадлежности к той или иной нации. Это понятие явилось своего рода символом для обозначения единой национально-государственной общности, воплотившей в себе идею Imperium Sacrum.

В отличие от Византии, где идея универсальной империи развивалась в рамках теории «симфонии властей» и конфликт между властью светской и властью духовной отсутствовал, на Западе и император, и папа претендовали на абсолютную власть в мировой христианской державе. В Западной Европе римские первосвященники и императоры Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae объявляли себя наследниками ми-

ровой Римской империи. И папы, и западные императоры претендовали на титул Vicarius Christi (наместника Иисуса Христа), – все это в конечном итоге привело к длительной борьбе между папством и императорами.

Римские первосвященники рассматривали себя наследниками римских императоров, претендуя на их мировую власть. В эпоху Средневековья институт папства как хранитель мировой религии благодаря Августину Блаженному и другим Отцам церкви, выступал как центр притяжения христианского мира. В то же время, в рамках идеи мировой державы, духовная власть Imperium Sacrum была только одной из двух составляющих. Второй составляющей было представление о вселенской власти императора. В Средние века единство народов воспринималось в рамках христианской религии. В языческую эпоху народы были разъединены, появление учения о едином Боге способствовало их объединению [4]. Церковное единство выражало духовное единение, а символом единения политического становилась Священная империя.

Понятия «Imperium» и «sacerdotium», выразившиеся в Византии через идею «симфонии властей», в сознании человека средневекового Запада воплощались через теорию «двух мечей». Эта теория была сформулирована папой Геласием I в V веке. В трактате «Tomus de anathematis vinculo» после утверждения, что до Христа цари и правители выполняли жреческие функции, папа Геласий I сделал вывод, что Христос, помня о слабости человека, «разделил функции двух властных компетенций и сделал их самостоятельными сферами. Духовная сфера держит известную дистанцию по отношению к обстоятельствам здешнего мира, и, с другой стороны, тот, кто имеет дело с земными вещами, не должен претендовать на руководство делами божественными» [5].

На Западе идея разделения духовной и светской власти, а также их равенство, были выражены в так называемом «Константиновом даре», который относил идею разделения властей к IV веку. «Константинов дар» был включен в т. н. Лжеисидоровы декреталии

(сборники посланий Отцов церкви и римских пап по разным догматическим вопросам. Лжеисидоровы декреталии приписывались епископу Исидору Севильскому). Эта фальсификация была создана в VIII в., а ее подложность была доказана Лоренцо Валлой в XV в. Согласно этому документу, в IV в. император Константин Великий, в знак благодарности к папе Сильвестру I, исцелившему императора от проказы, на четвертый день после своего крещения решил оставить Рим и основать новую столицу на Босфоре. Император хотел, чтобы светское правительство не ограничивало свободы духовного лидера христиан – папы. Константин якобы даровал папе Сильвестру I и его преемникам верховную власть над Италией и странами Запада, а также ряд привилегий и достоинств, принадлежавших императору и римскому сенату. Папской резиденцией должен был стать Латеранский дворец в Риме, папа должен был носить соответствующие регалии (диадему, ожерелье, пурпурную мантию, скипетр) и при его особе должен был находиться внушительный штат камергеров [4].

Фактически, со второй половины XI в., папы установили вселенскую папскую теократическую монархию. Так как формально, после 1054 г., Западная и Восточная христианские церкви прекратили общение, то с этого времени и папство и византийские императоры стали игнорировать притязания друг друга на титул *Vicarius Christi*. Совсем иначе папы относились к притязаниям священно-римских императоров. Папа Григорий VII (1073–1085 гг.) рассматривал государство как низшую сферу Царствия Божия, высшим проявлением которого являлась Церковь. Если папа господствовал в высшей сфере Божьего царства, то это тем более давало ему право распоряжаться и в низшей сфере – государстве. Духовную и светскую власть он различал лишь как высшую и низшую инстанции в пределах одной и той же *respublica Christiana*. Государство, чтобы стать правомерным христианским союзом, должно было слиться с Церковью и поглотиться ею [6]. Таким образом, при папе Григории VII была окончательно сформулирована идея папского примата, источником

которого стал так называемый «Диктат папы» (*Dictatus papae*). Этот состоящий из двадцати семи пунктов документ, по сути, стал апологией притязаний пап на верховную власть в западно-христианском мире.

Папская власть достигла апогея при Иннокентии III (1198–1216 гг.), который сразу проявил себя сторонником крайних притязаний папства. Именно он первым ввел в официальную титулатуру Римских понтификов титул: *Vicarius Christi* «Наместник Иисуса Христа» [7]. Духовное господство Иннокентий III понимал как неограниченную материальную и духовную силу и толковал полноту власти как право распоряжаться и светскими, и духовными делами. За годы его понтификата влияние папства на все стороны жизни христианского мира стало безграничным. Иннокентий сравнивал власть папы с солнцем, а императорскую власть с луной. А поскольку луна светит отраженным светом солнца, то и императорская и королевская власть должна быть подчинена Римскому понтифику. В.И. Герье полагал, что в этот период сама Церковь приняла вид государства, а папство впервые осуществило «политический тип централизованной монархии с самодержавным правителем и правильно организованной администрацией, заправляющей из столицы отдаленными окраинами» [8].

Таким образом, идея о том, что кафедра св. Петра есть императорский трон церкви, в эпоху Высокого Средневековья стала общепризнанной. В ходе длительной борьбы папы сумели присвоить себе право распоряжаться императорской короной. Однако, в свою очередь, эта постоянная борьба и внутри самой церкви и с германскими императорами ослабила папство. Окончательным результатом этого процесса стало представление о том, что Римская церковь и Священная Римская империя представляют собой две стороны одной медали. Римский первосвященник являлся высшим судьей в сфере религии и духовных вопросов, а император должен был поддерживать мир во всей вселенной. «По отношению к Церкви он является Адвокатом, – титул, заимствованный из обычая церквей и монастырей избирать какого-нибудь могу-

щественного барона, который защищал бы их земли и предводительствовал их держателями на войне» [4]. В свою очередь, двойственность представлений средневекового человека об Imperium Sacrum проистекала из дуалистической природы самого Христа.

И хотя, на первый взгляд, процесс формирования идеи «священной мировой империи» в Византии и в Западной Европе мало чем отличался, поскольку имел общие корни, его политическое воплощение привело к диаметрально противоположным результатам. На Востоке, в Византии, идея Imperium Sacrum, уходящая в свои вселенские цивилизационные аспекты, являлась фактором единения имперского и культурного пространств. На Западе идея Imperium Sacrum, в первую очередь, воплощалась в политико-правовом аспекте, что, в конечном итоге, привело к политической борьбе между церковью и светской властью.

Формирование понятия «IMPERIUM SACRUM» в русской традиции

После принятия христианства в 988 г. Киевская Русь стала частью византийского «Пах Christiana» и легко вписалась в византийские политические концепты как часть т. н. «Византийского содружества наций», о котором в свое время писал Д. Оболенский [9]. Русские князья как носители верховной власти, подражая византийским василевсам, выстраивали свои отношения с церковью в рамках традиционного византийского цезарепапизма.

В период феодальной раздробленности и особенно в период монголо-татарского ига византийский цезарепапизм постепенно уступил место эсхатологическим чаяниям, связанным с существованием и назначением русского государства. В этот период пути церкви и княжеской власти разошлись. Для сохранения своего статуса русские князья вынуждены были проводить политику коллаборационизма, в то время как русская церковь оставалась связующим фактором русского национального единства. Правда, для достижения этого Русская православная церковь вынуждена была принять верховную власть

золотоордынских ханов, также как в свое время власть византийских императоров, а позднее власть великих князей киевских. Используя терпимость новой власти к чужой религии, Церковь сумела приспособиться к реалиям времени, что в дальнейшем способствовало и возрождению российской государственности.

Начиная с Ивана III (1462–1505), русская политическая традиция и идеология развивались под воздействием эсхатологических и мессианских мечтаний. В первую очередь это относилось к государственной власти, но с течением времени и, конечно, не без непосредственного участия этой власти стало характерным для идеологии всего русского народа, который воспринимал политику своего государства, его социально-историческое и духовное развитие как некую сакральную миссию. Результатом этого симбиоза в конечном итоге стали идеи «византийского наследства», «симфонии властей», панрусизма и панславизма. Вальтер Шубарт отмечал: «Русский и в этом отличается от европейцев. Его национальной идеей является спасение человечества русскими» [10]. Эта миссия по спасению человечества стала вполне естественной для русской политической мысли, когда русский народ не представлял себя без связи с судьбами всего мира, и даже начавшаяся при Петре I секуляризация политических идей не смогла разорвать этих прочных связей.

Эсхатологические идеи, проникшие на Русь вместе с христианством еще в конце X в., только с конца XV в. начали играть особую роль в формировании политических взглядов и дальнейшего социально-исторического и духовного развития. Во многом это произошло из-за того, что не сбылись опасения по поводу ожидавшегося в конце седьмого тысячелетия (по старому стилю) конца света. Со временем чисто религиозная по сути эсхатологическая парадигма стала востребованной в сфере идеологии.

Светским выражением эсхатологических чаяний русского народа стала знаменитая доктрина «Москва – третий Рим». Именно она позволила сформировать в русской поли-

тической традиции представление об особой миссии русского народа в мировой истории. В отличие от древнееврейской эсхатологической традиции, где евреи ожидали прихода Мессии, который спасет и сплотит еврейский народ, в русской традиции мессианская функция переносилась на весь русский народ. Таким образом, социально-исторический процесс превращался в мистику, целью которой становилась мессианская жертва русского народа.

П.Н. Милюков отмечал, что Иван III сразу же воспринял идею панрусизма, подсказанную ему германским императорским послом Поппелем [11]. Именно из этой идеи вытекали претензии Великого князя Московского, сформулированные в новом титуле «Государь всея Руси». Таким образом, Московский великий князь превращался в фигуру сакральную, осуществляющую судьбоносную миссию объединения всех русских земель под своей властью. Благодаря этому Москва превращалась в центр единения, а главное, защиты русских, вне зависимости от того, являлись ли они подданными Московского князя или нет. Именно поэтому Великие князья Литовские и короли Польские отказывались признавать этот титул Ивана III, но все их попытки протеста отменялись с присутствующими московскими дипломатами уверенностью и апломбом: «Государь наш ничего высокого не писал и никакой новости не вставил. Он от начала – правый *уроженец* – *государь* всея Руси, чем его Бог подаровал от дедов и прадедов.... Все, отнятое у Литвы, – «наша вотчина». «Да и не то одно – наша вотчина, что ныне за нами: вся русская земля, Божией волей, из старины от наших прародителей – наша вотчина» [11].

Таким образом, с конца XV в. стал формироваться комплекс политических традиций дальнейшего развития русского государства. Объединив под своей властью большую часть русских земель, Москва определила для себя новые цели, и теперь Московское царство было не просто одним из православных государств, а претендовало на положение единого мирового православного царства.

Своеобразную часть «византийского наследия» русское государство получи-

ло благодаря браку Ивана III с племянницей последнего византийского императора Зоей (получившей в России имя Софья) Палеолог. Породнившись с византийской императорской династией, Великие князья Московские аргументировали и притязания византийских василевсов на мировое господство. Идея панрусизма, смешанная с идеей «византийского наследия», неизбежно вела политическое развитие русского государства к идее панславизма. Византийская идеология, привезенная в Москву Зоей Палеолог, оказала существенное влияние на формирование социально-исторического и политического развития русского государства.

В соответствии с византийской имперской доктриной мировое государство обязательно должно было быть христианским (православным). После падения Византии и создания Османской империи единственным независимым православным государством оставалась Московская Русь. Вселенские православные патриархи, регулярно обращаясь за помощью и защитой к московским князьям, помогли Москве ощутить себя наследницей мировой православной империи. Московские великие князья начали использовать титулы царя и самодержца, которые являлись дословным переводом титулов византийских императоров – василевс и автократор.

Однако воссозданная на русской почве имперская идея не была оригинальной. Социально-исторический процесс развития России в эпоху Ивана III заимствовал концепты, созданные южнославянскими народами во времена Сербского и Болгарского царств. П.Н. Милюков полагал, что именно они являлись естественными воспитателями русских национальных чувств. Южные славяне давно мечтали создать либо сербско-греческую, либо болгаро-греческую империи, а их идеалами были собственные славянские императоры и патриархи. В свое время и болгарский царь Александр, и сербский Душан пытались примерить на себя порфиру византийских василевсов и именно они первыми использовали титулы «царь» и «самодержец». П.Н. Милюков, цитируя болгарскую рукопись XIV в.,

написанную по приказу болгарского «царя и самодержца» Иоанна Александра, указал на хорошо знакомые нам параллели: «Все это приключилось со старым Римом; наш же новый Царьград стоит и растет, крепится и омолажается. Пусть он и до конца растет, – о Царь, всеми царствующий, – принявши (в себя) такого светлого и светоносного царя, великого владыку и изрядного Победоносца, происходящего из корени Асеня, преизящного царя болгар, – я разумею Александра прекроткого и милостивого и мнихолубивого, нищих кормильца, великого царя болгар, чью державу да исчислят неисчислимые солнца» [11].

После того как турки-османы покорили «новый» Царьград – Тырново, южные славяне начали искать новый источник своих политико-эсхатологических надежд. Этим источником стала далекая и неизведанная, но близкая по духу и вере Москва. Впервые идеи панславизма на Руси были озвучены болгарин по национальности митрополитом Киприаном.

При сыне Ивана III Василии III представление о Москве как о единственной хранительнице православных традиций еще больше закрепилось в сознании русской интеллектуальной элиты того времени. Именно при Василии III была сформулирована знаменитая идея «Москва – третий Рим», создателем которой был инок псковского Елеазарова монастыря Филофей. В письме московскому дьяку Мисюрю Мунехину он сформулировал идею священной вселенской державы, согласно которой Москва стала законной наследницей предшествующих мировых держав: два Рима пали, а третий Рим – Москва – стоял и стоять будет вечно, а четвертому Риму не бывать.

Внук Ивана III Иван IV (Грозный) стал непосредственно претворять в жизнь представления о священной мировой державе. Согласно византийской традиции священная мировая империя должна иметь своего царя и независимую церковь во главе с патриархом. Первым шагом на пути создания мировой православной империи, по сути *Rex Rossica*, стало принятие Иваном IV в 1547 г. царского

титула. Впервые венчанный царь осознавал ответственность присвоения этого титула, поскольку дипломатическая иерархия средневековья четко определяла статус «царств» того времени – царский титул признавался за византийскими императорами, германскими императорами и наследниками Золотой орды. Иван Грозный стремился встать наравне с императорами византийскими и германскими и окончательно избавиться от унижительной зависимости от ордынского наследия, сравнившись статусом с бывшими золотоордынскими ханами, именовавшимися на Руси царями. Покорив Казань и Астрахань, Иван Грозный относительно законно начал титуловать себя царем Казанским и Астраханским. Юридическое подтверждение титула московского царя произошло только в 1561 г., когда собор Константинопольской церкви провозгласил Ивана Грозного «царем и государем православных христиан во всей вселенной» [13]. В том же 1561 г. константинопольский патриарх и другие вселенские патриархи признали царский титул Ивана Грозного и провозгласили его единственным защитником мирового православия. Великий князь Московский получил законное право титуловаться царем и владыкой всех православных христиан, а также считать себя наместником Бога на земле. С этого момента Россия уже не могла равнодушно смотреть на владычество мусульман над христианскими землями на Балканском полуострове и на Востоке, что в дальнейшем, явилось одной из главных причин постоянных русско-турецких войн, начиная с конца XVII до конца XIX в.

Для обоснования своих претензий на вселенское господство Московские Великие князья использовали не только идею «византийского наследства», но и специально созданную генеалогическую легенду. Складывался круг сказаний, подтверждающих правопреемство русским государством вселенских инсигний Византии. Несмотря на то, что Иван Грозный приходился внуком племяннице последнего византийского императора, в политической реальности использовалась генеалогическая легенда о родстве по мужской линии с римскими императорами.

Идея «римского родства» подтверждалось генеалогическим «Сказанием о князьях Владимирских», предположительно созданным в период правления Василия III. В этом тексте прослеживалось родство Рюрика с неким Прусом – братом римского императора Октавиана Августа. Таким образом, московские государи, будучи «сродниками Римских кесарей», считали себя вправе претендовать на особую сакральную и политическую роль в мировой истории. Иван Грозный в посланиях неоднократно указывал на свое превосходство благодаря «римскому родству». В письме к шведскому королю Юхану III Грозный писал: «Мы от Августа кесаря родством ведемся, а ты усужаешь нам противно Богу» и ему, отпрыску «мужичьего рода» (отец Юхана III – Густав Ваза был не прирожденным, а избранным королем), «нелзя ровняться с великими государи» [13]. В другом письме Грозный позволил себе элементарную ругань в адрес Юхана III: «А с тобою перелаиваться, и ты себе найди такова ж страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся» [14].

Со временем легендарная родословная стала восприниматься как вполне традиционная, а многими православными народами и как фактор, указывающий на вселенскую и сакральную роль не только русского самодержца, но и всего российского государства.

Еще одним важным элементом идеи «симфонии властей» в русской политической мысли являлась идея церковной автокефалии. Формально русская православная церковь считалась самостоятельной с 1441 г., когда после подписания Ферраро-Флорентийской унии были прекращены все контакты Москвы с Константинопольской церковью. В 1448 г. глава Русской церкви митрополит Иона впервые был избран Собором русских епископов без хиротонии (поставления) в Константинополе. Однако русская православная церковь формально оставалась частью Константинопольского патриархата вплоть до 1589 г., когда Московская митрополия *de jure* при сыне Ивана IV Федоре Иоанновиче получила автокефалию. Митрополит Московский Иов был рукоположен в сан патриарха Вселенским патриархом Иеремией II Константинополь-

ским и другими вселенскими патриархами. По договоренности между Москвой и вселенскими патриархами за патриархом Московским и всея Руси в иерархии православных кафедр было признано пятое место после вселенских кафедр. В свою очередь, Русская церковь возглавила список поместных национальных церквей, отодвинув на задний план даже более древние (например Грузинскую) поместные церкви. Таким образом, с 1589 г. Российское государство стало полностью соответствовать понятию вселенской православной империи по византийскому образцу, т. е. отныне Москва имела своего царя и своего патриарха. И эта «симфония властей» воплощалась в жизнь в Московском государстве вплоть до эпохи Петра I.

В то же время сакральный авторитет Русской православной церкви также требовал некоторого обоснования. Постепенно сформировался комплекс сказаний, обосновывающих особую роль Русской церкви в истории вселенского православия. В связи с этим стали актуальными сказания, с помощью которых обосновывались церковные претензии Москвы на автокефальность – «Сказание о хождении святого апостола Андрея Первозванного» и «Сказание о белом клобуке».

«Сказание о хождении святого апостола Андрея Первозванного» приводится еще в «Повести временных лет», но особенно актуальным оно стало в конце XVI в., во времена царя Федора Ивановича, когда Русская православная церковь получила автокефалию. Б.Ф. Годунов стремился добиться третьего места для Московской патриархии в перечне вселенских православных церквей. Московское правительство, ссылаясь на «Повесть временных лет», пыталось доказать равенство вновь образованного патриархата с древними вселенскими кафедрами. И хотя данная затея провалилась, апостольское происхождение русского православия от апостола Андрея Первозванного стало активно использоваться церковью и русским правительством для достижения своих политических целей.

«Сказание о белом клобуке» распространилось в русской идеологической традиции XVI – XVII вв. для подтверждения

преемственности Московского царства как вселенской державы от Византии, а также для обоснования претензии русской церкви на особый статус в христианском мире. Это сказание атрибутировалось как послание Дмитрия Герасимова (Дмитрия Толмача) к новгородскому архиепископу Геннадию. Согласно этому сказанию белый клобук – символ священства – был получен римским папой Сильвестром I от императора Константина Великого. После «отпадения ветхого Рима» от православия белый клобук был перенесен в Византию, а затем на Русь в Новгород Великий. Появление в Новгороде белого клобука связывалось с именем архиепископа Василия Калики (1330 – 1352 гг.). При московском митрополите Макарии (в 1526–1542 гг. новгородском архиепископе) идея белого клобука была перенесена в Москву, где органично вписалась в доктрину «Москвы – третьего Рима» [12]. И хотя в повести шла речь о новгородском архиепископе, «Повесть о белом клобуке» со времен митрополита Макария считалась достаточным аргументом для обоснования притязаний Москвы на первенство как политическое, так и духовное. Однако в 1667 г., вероятно после более детального прочтения, Собор признал «Повесть о белом клобуке» «лживой» выдумкой.

В конце XVI – начале XVII вв., когда в Смутное время была ослаблена позиция государственной власти, слова о мессианской роли русской православной церкви во весь голос зазвучали из уст патриарха Гермогена. Угроза оказаться под властью католической Речи Посполитой способствовала сплочению русского народа, защитившего свою страну, несмотря на отсутствие политической власти.

Утрированной версией византийской «симфонии властей» стало почти четырнадцатилетнее совместное правление царя Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета, поскольку последний «не очень жаловал» своего сына как царя. В этот период сакральная доктрина «Москва – третий Рим» вновь стала актуальной. И, если до воцарения династии Романовых данный тезис воспринимался исключительно в мессианско-эсха-

тологическом значении, т. е. святая Русь – наследница Византии – хранительница чистоты вселенского православия, то со времени первых Романовых формула Филофея начала истолковываться в политическом смысле. В этом плане именно идея «византийского наследства» стала доминирующей в социально-историческом развитии российского государства.

В дальнейшем реформаторская политика царя Алексея Михайловича в отношении церкви была обусловлена идеей восстановления Византийской империи под эгидой московского царя. Верным союзником царя в проведении церковной реформы был патриарх Никон. Как Алексей Михайлович хотел стать в Москве новым византийским василевсом, так Никон хотел стать новым вселенским патриархом, возглавив всю вселенскую православную иерархию. Никон хотел сосредоточить в России все восточные христианские святыни. Именно этим была обусловлена постройка Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, главный храм которого в точности копировал Храм Гроба Господня в Иерусалиме, а маленькая речушка, протекающая у стен монастыря, была наречена Иорданом.

По мнению исследователя истории церкви Б.П. Кутузова, реформа русской православной церкви не имела богословской необходимости [15]. Настоящим инициатором церковной реформы была светская власть в лице царя Алексея Михайловича. В XVII в. российские самодержцы воспитывались в византийском духе, поэтому Алексей Михайлович получил грекофильское воспитание, и именно с него русские цари начали предпринимать конкретные шаги для того, чтобы заполучить византийский трон.

Б.П. Кутузов считал, что вековая мечта российского самодержавия – Константинополь с проливами, была внушена русскому правительству Ватиканом, который, чтобы втянуть Россию в борьбу с Османской империей, еще со времен Василия III пытался превратить чисто эсхатологические концепции русской религиозной мысли в конкретные политические действия. Такими методами вати-

канская дипломатия стремилась расправиться со своими идеологическими противниками и заодно подчинить Святому престолу «восточных схизматиков».

В качестве одного из первых агентов Ватикана Б.П. Кутузов рассматривал Максима Грека [15], хотя он был, скорее, агентом Константинополя, поскольку не верил в миссию Москвы как третьего Рима и призывал Василия III к освобождению Балкан и Греции от турецкого ига и объединению христиан вокруг Константинопольского патриаршего престола.

Как агента Ватикана рассматривал Б.П. Кутузов и Юрия Крижанича, старавшего склонить русского царя Алексея Михайловича к борьбе против Османской империи в союзе с болгарями, сербами и другими европейскими народами, а в качестве залога прочного военного союза, выдвигавшего идею церковной унии между католиками и православными [15]. Иначе воспринимал Юрия Крижанича П.Н. Милюков, считая его апологетом русской национальной идеи, оказавшей сильное влияние на дальнейшее социально-историческое развитие России [11].

Не менее жестко, чем Ю. Крижанича, Б.П. Кутузов охарактеризовал и Милеску Спафария, воспитанника иезуитов, также стремившегося вовлечь Россию в борьбу с турками. [15]. Но основными проводниками разрушительной политики Ватикана в России, по мнению Б.П. Кутузова, были выходцы из Киево-Могилянской академии. И, хотя к малоросскому духовенству в Москве относились с недоверием, подозревая его в тайном католичестве, многие идеи, привнесенные этими людьми, обрели на русской почве своих сторонников и способствовали тому, что в русском сознании чисто церковная эсхатологическая доктрина «Москва – третий Рим» превратилась в политический манифест, почти на двести лет определивший социально-историческое развитие Русского государства. В конечном итоге планы Ватикана провалились, а помощь России способствовала освобождению балканских и кавказских народов от Османского ига и сохранению их как самостоятельных этносов.

Существует мнение, что мистический дух был отличительной чертой русского государства вплоть до правления Петра I, поскольку именно Петр разрушил устои старинных московских традиций и превратил церковь в государственный орган, подчиненный императору. Но первый российский император, уничтожив прежнюю мессианскую концепцию – Вселенской православной державы, создал новую идеологию – Священной империи. Именно Петр I определил программу дальнейшего социально-исторического развития России, просуществовавшую до 1917 г., а в целом характерную и для советского периода в истории нашей страны.

Библиографический список

1. Андреева, Л.А. «Местник Божий» на царском троне / Л.А. Андреева. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002 г. – 224 с.
2. Рансимен, С. Восточная схизма. Византийская теократия / С. Рансимен. – М.: Наука, Восточная литература РАН, 1998. – 238 с.
3. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – М.: Облиздат, ТОО «Алир», 1998. – 672 с.
4. Брайс, Джеймс. Священная Римская империя / Джеймс Брайс. – М.: Изд. М. Комиссарова, 1891 – 383 с.
5. Задворный, В. История римских пап от св. Феликса II до Пелагия II / В. Задворный. – М.: Колледж католической теологии им. св. Фомы Аквинского, 1997. – 202 с.
6. Трубецкой, Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Миросозерцание Блаженного Августина / Е.Н. Трубецкой. – М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892–1897. – Ч. 1–2. – 270 с.
7. Гергей, Е. История папства: (Пер. с венгр.)/Е. Гергей. – М.: Республика, 1996. – 464 с.
8. Герье, В.И. Торжество теократического начала // Вестник Европы. – 1892. – С. 28.
9. Оболенский, Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. – М.: Янус-К, 1998. – 655 с.
10. Шубарт, Вальтер. Европа и душа Востока / Вальтер Шубарт. – М.: Русская идея, 2000 г. – 443 с.
11. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры / П.Н. Милюков. – СПб: Изд-во Издание журнала «Мир Божий», 1901–1903. Т. 3. – 436 с.
12. Сторчак, В.М. Тема российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России / В.М. Сторчак – М.: РАГС, 2003. – 147 с.
13. Кобрин, В. Иван Грозный / В. Кобрин. – М.: Московский рабочий, 1989. – 175 с.
14. Успенский, Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б.А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 668 с.
15. Кутузов, Б.П. Церковная «реформа» XVII века / Б.П. Кутузов. – М., 2003. – 573 с.

«IMPERIUM SACRUM» AS A SPIRITUAL AND POLITICAL FOUNDATION
OF THE RUSSIAN IMPERIAL PARADIGM

Paleolog M.V., Assoc. Prof. MCPU, Ph.D (History); Chistova S.M., Assoc. Prof., MSFU, Ph.D (History)

mpaleolog@mail.ru, caf-miok@mgul.ac.ru

Moscow City Pedagogical University (MCPU), 2nd sel'skokhozyaistvenniy pr., 4, korp.1, 129226, Moscow, Russia; Moscow State Forest University (MSFU), 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytishi, Moscow reg., Russia

Formation of the concept of «IMPERIUM SACRUM» refers to the antiquity. The Greek culture was the link that united most parts of the ancient world. The Roman Empire, which replaced the Hellenistic world, formed a universal concept of the state. The concept of «Pax Romana», «Roman world», equated the concepts of «world state», «civilization» and «civilized world». In the Middle Ages in the West the idea of a universal «Imperium Sacrum» was formed and finally became a key to the development of the state and the church. Byzantium inherited the Roman tradition, bringing it to the absolute. The Greeks created a new model of universal empire, the main feature of which was a «symphony of powers», which became the state ideology of Byzantium. Kievan Rus, after the adoption of Christianity in 988, became part of the Byzantine «Pax Christiana» and fits easily into the Byzantine political concepts as a part of the so-called «Byzantine Commonwealth of Nations.» Russian princes built relations with the church in the traditional Byzantine Caesaropapism. After the fall of the Byzantine Empire and the creation of the Ottoman Empire, the only independent Orthodox state remained was Muscovy. The idea of Pan-Rusizm, mixed with the idea of «Byzantine heritage», has led to the idea of Pan-Slavism. Institutions of «kingdom» and «autocephalous church» have been implemented under the reign of Ivan IV and his immediate successors. Since the reign of the first Romanov, Philotheus' formula «Moscow is the Third Rome» began to be interpreted in a political sense, and the idea of the «Byzantine heritage» has become dominant in the socio-historical development of the Russian state. The idea of the restoration of the Byzantine Empire under the auspices of the Moscow tsars was due to all the reformist political decisions made by Alexei Mikhailovich in relation to the church. The Western attempts to transform Russian ideological concepts into a concrete political program against the Ottoman Empire were not very successful, and Russian help further contributed to rescue the Balkan and Caucasian peoples from turcopoles and preserve them as separate ethnic groups. Peter I destroyed the foundations of the ancient Moscow traditions and turned Church into a state body subordinate to the emperor. But destroying the old messianic concept, Universal Orthodox power, Peter I created a new ideology, the Holy Empire, and established a program for further socio-historical development of Russia, which lasted until 1917.

Keywords: Imperium Sacrum, symphony of powers, Moscow – the third Rome, Pan-Slavizm, panrusizm.

References

1. Andreeva L.A. «Mestnic Bozhiy» na tsarskom trone. [«God's vicegerent» on the royal throne]. Moscow: Publ. Tsentr tsivilizatsionnikh i regional'nikh issledovaniy RAN, 2002. 224 p.
2. Ransimen S. Vostochnaya skhizma. Vizantiyskaya teokratiya. [Eastern schism. Byzantine theocracy] Moscow: Nauka, Vostochnaya literature RAN Publ., 1998, 238 p.
3. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical state]. Moscow: Publ. «Oblizdat», TOO «Alir», 1998. 672 p.
4. Brays, Dzheymys The Holy Roman Empire. Moscow, Publ. M. Komissarova, 1891. 383 p. (in Russia).
5. Zadvorniy V. The history of the popes from St. Felix II to Pelagius II. Moscow: Publ. College of Catholic Theology. St. Thomas Aquinas, 1997. 202 p.
6. Trubetskoy E.N. Religiozno-j,shchestvenniy ideal zapadnogo khristianstva v V veke. Mirosozertsaniye Blazhennogo Avgustina. [Religious and social ideal of Western Christianity in the V century. Worldview Augustine] Moscow: Publ. E. Lissnera I Y. Romana, 1892–1897. 270 p.
7. Gergey E. Istoriya papstva [History of the Papacy] Moscow: Publ. Respublica, 1996. 464 p.
8. Ger'e V.I. Torzhestvo teokraticheskogo nachala [The triumph of the theocratic beginning]. Vestnik Evropy [Herald of Europe], 1892. p. 28.
9. Obolenskiy D. izantiiskoye sodruzhestvo Natsiy. Shest' vizantiiskikh portretov [The Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. Moscow: Publ. Yanus-K, 1998. 655 p.
10. Val'ter Shubart Evropa i dusha Vostoka [Europe and the East soul] Moscow, Publ. Russkaya ideya, 2000. 443 p.
11. Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoy kul'tury [Essays on the History of Russian Culture T. 3.]. Sankt-Peterburg: «Mir Bozhiy» Publ., 1901-1903. 436 p.
12. Storchak V.M. Tema Rossiyskogo messianisma v obschestvenno-politicheskoy i filosofskoy mysly Rossii [Subject Russian messianism in the socio-political and philosophical thought in Russia] Moscow: RAGS Publ., 2003. 147 p.
13. Kobrin, B. Ivan Groznyy [Ivan the Terrible] Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1989. 175 p.
14. Uspenskiy B.A. Tsar' i patriarch: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiyskaya model' i yeyo russkoye pereosmisleniye) [The king and the patriarch: the charisma of power in Russia (the Byzantine model and its Russian rethinking)]. Moscow, 1998. 668 p.
15. Kutuzov B.P. Tserkovnaya reforma XVII veka [Church «reform» XVII century]. Moscow, «TRI-L» Publ., 2003. 573 p.